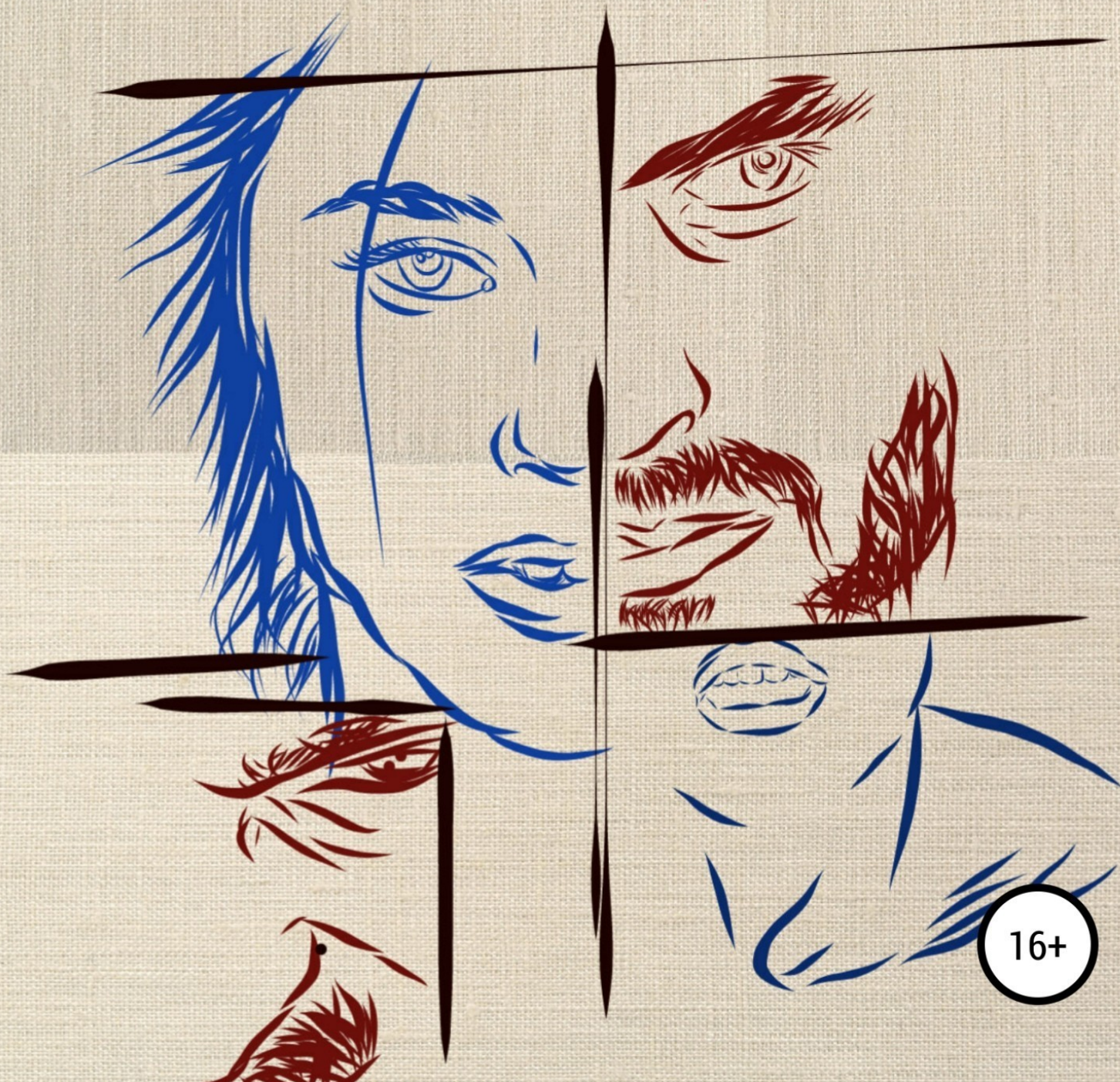

Дмитрий
Голдырев

КРАСНЫЙ

16+

Дмитрий Голдырев

Красный

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Голдырев Д. В.

Красный / Д. В. Голдырев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Что делает вас такими, какие вы есть? Все пороки, страхи, привычки и интересы дают в сумме то, кем вы являетесь сейчас. Что происходит с вами, когда вы сталкиваетесь с тем, что способно разрушить ваши идеалы и, как говорится, "выносит мозг"? В центре повествования свободный художник, переживающий период переезда в другой город в поиске творческих идей. И на этом этапе жизни ему суждено столкнуться с тем, что действительно разрывает стандартный шаблон.

Предисловие

Данное произведение является моей первой попыткой вообще что-либо сотворить в рукописном жанре. Я не считаю того множества стихов, которые были написаны, это иное, пережиток возраста, и только.

Как я смею предположить, у читателя может появиться некоторое количество вопросов. Отвечать буду как художник (коим являюсь на самом деле) и как автор. Почему «красный»? Красный – это первый цвет в спектре разложения белого цвета на множество других. Помимо этого, у этого цвета долгая история, несущая в себе множество противоречивых значений. Это и страсть, и смелость, и убийство. Это все то, что в нынешнее время показывают единицы. Был ли прототипом главного героя я? Отчасти. Львиная доля – да. Но какой автор не закладывает часть себя в характеры героев? И, в конце концов, о чем история? В центре повествования находится художник, и я стараюсь как можно детальнее и аллегоричнее изобразить все, что влияет на творчество человека. В первую очередь, безусловно, я использовал свои личные предметы побуждения к творчеству, будь то страсть, вера в лучшее, неизвестный страх и т.д. Со всем этим вам предстоит познакомиться в течение истории.

Что ж, я не сильно многословен, а потому не смею задерживать вас, дорогие мои. Я должен поблагодарить каждого, чьи глаза видят этот текст, и буду по гроб жизни признателен тому, чей мозг будет способен трактовать концовку. Приятного чтения!

Красный

Среди прочего, человек обладает ограниченным разумом.

Я снова слышал, как наши соседи занимались сексом. Однообразные стуки сливались в слащавую мешанину криков и звуков города, разносившихся по тесной квартире.

О, этот город. Сколько слов было сказано за все время о красоте городов, и не столь важно, идет ли речь о дневном состоянии мегаполиса, или же о красоте больших ярких вывесок, освещающих проспекты ничуть не хуже придорожных фонарей. Но ведь и началось все гораздо раньше. Задолго до моего переезда, задолго до моего взросления и даже рождения.

Я хочу сказать о полотнах. Великолепные гармонии красок, нанесенных на многомиллионное количество холстов. Холстов, которые с самого начала были обыкновенным камнем. В период своей юности человечество все делало своими руками. Мы сами замешивали и искали краски, использовали порой даже кровь соседей ради одного – ради описания образов. Можно ли сказать, что первые произведения искусства были сделаны на костях? Безусловно. Да и, должен признать, за две тысячи лет ничего не поменялось. Я это понял, когда впервые взял кисть в свои руки.

Для меня было чем-то неистово безумным и кричащим то, что создавали люди ради искусства, таким же кричащим я и пытался сделать свои творения. А описания концепций картин так и пестрели громкими выражениями. Увидеть, ранее невидимое. Узреть то, что неподвластно. Расширяйте сознание. И что было глубже того, что я испытывал во время работы? Наверное, только глотка Саши Грей.

Прошло время, и исчезло слово «вдохновение», сменившись «рабочим настроением». Я творил уже не то, что было видно при первом взгляде на объект или окружение, а то, что первоначально появлялось в моем разуме, и лишь потом находило воплощение в части реального мира. Дни были наполнены звуками скольжения грифеля карандаша по ткани, кисть становилась продолжением пальцев, а ночью же... не было более насыщенного духом идеи времени, чем темное время суток. Я засыпал за час, за два до рассвета, а иной раз, бывало, не ложился вовсе.

Тысячи художников были оценены миром только после своей смерти. Сотни – приняты в яркую богему при жизни. Я не принадлежал ни одному из этих чисел. Но все же был на коне. Заказы сыпались один за одним, и каждый концептуальнее другого, я творил! Но художник

регрессирует, если выполняет только заказы и не творит для себя. Поиск – вот, что заставляет превосходить свою зону комфорта. Это и стало причиной переезда вашего покорного слуги.

Теперь я слышу ЭТО. Наверняка, в их квартире сейчас невероятно жарко, ибо температура разгоряченных сопрягающихся тел просто рвет воздух на мелкие части. Ее животный хрип в мешанине со стонами перекрикивает стук клавиш, а изголовье кровати, по всей видимости, проделало изрядную вмятину в стене. Эти двое трахались куда чаще, чем студенты в летнем лагере после отбоя. Я сидел в периодической тишине и молча завидовал и сочувствовал левой стене своей квартиры-студии. Почему завидовал? О, ну а кто из детей человеческих не любит секс? Этот момент, когда нет ни тревог, ни страха, ни капли гнева – есть только ты и твой партнер, ставший воплощением неги внизу живота, готовой вот-вот вырваться наружу. Да... Кто из нас не любит секс?

По всей видимости, мой сосед этажом ниже.

Я пересекался с этим доморожденным детективом как-то на улице, когда застрял перед терминалом оплаты, довольно долгое время не выдававшим мне чек. За мной не было очереди, но рядом со мной был этот отшельник, державшийся меня подозрительно и нормально угрюмо (небо было в тот день пасмурное, что приводит всех в такое «нормальное» состояние). Он постоянно озирался по сторонам, словно ожидая кого-то. Или чего-то. Его взгляд совмещал в себе едва сдерживаемую панику и любопытство. Он будто анализировал все проходящие, но в анализе этом читался поспешный вывод во всем. Знаете, таким людям для полноты образа не хватает шапочки из фольги.

Я помню, как он что-то говорил о снятии комиссии при пополнении счета, что близится восстание машин и что человечество не доведет себя до добра со всем своим технологическим прогрессом. Невероятно заикался, да. Было видно, что в голове этого создания живет невероятное количество знаний, но нужных ли? Ох уж этот вечно подозреваемый тип. Он явно был поклонником теорий заговора, и не скрывал этого. Как он вообще заговорил со мной? Я не помню. Вероятно, это все началось с упоминания о консьержке, которая провожает его не менее подозрительным взглядом, чем он смотрит на весь этот мир. Он говорил о слуге и о том, что они посланы «убрать лишних». Знаете, я не поклонник консперологии. Но из его уст эти вещи звучали убедительно и правдоподобно. Или же мне казалось так? Он сопоставлял факты, притянутые в своей правде за уши, но его вера в них была непоколебима. По всей видимости, эта вера и заставляла уверовать и других в его паранойю, создать иллюзию неотъемлемости в этой жизни. Что ж, многие из нас верят в то, что американцы не высадились на Луну, и что однажды нас убьет невесть откуда взявшаяся планета. Не нам судить таких людей. Так мне говорил мой сосед сверху.

– Люди боятся, это в их натуре. Они боятся, что потеряют все, на что копили долгие месяцы, боятся потерять любовников и супругов. Они боятся, потому что жадны. Знаешь, сосед, если ты однажды потеряешь десятки тысяч рублей, ради которых трудился, словно лошадь, целый месяц, что ты почувствуешь?

Этот вопрос вызвал у меня нервный смехок.

– Вот именно, сосед. Можно ли обвинять этих людей в жадности и скупости? И да, и нет. Мы ведь не видим закулисья, да? Мы не видим голодающего ребенка, который живет с ним и его женой, которая и забыла, что такое бритва, и как ей брить подмышки. Точно? Но также и не видим мы его корзину в интернет-магазине. Все эти шмотки за тысячи долларов, бриллианты, дорогие пылесосы с хреновой тучей насадок. Не видим, так ведь? Поэтому я предпочитаю оставаться в стороне от людей, зависимых от показателей успешности.

Он сидел передо мной за одним столиком на летней площадке и оценивал взглядом проходящих мимо официанток. Его взгляд был загружен, малость утомлен, но все ж не мертв, как у паренька двумя этажами ниже его. Его кисти выдавали писательский труд – он то и дело потирал и крутил запястья. Знаете, если вы в течении двух недель будете работать в офисе,

набирая текст по восемь часов в день, то ваши мизинцы начнут неметь. Затем это онемение перейдет на предплечья. Выход: уволиться. Или хотя бы избавляться от тоннельного синдрома путем разминки кистей и периодической гимнастики.

– Они живут ради еды, – тихо вымолвил писатель. – И, блин, я не могу их осуждать. Человек ведь по природе хищник, ему нужно много еды. И мне, и тебе, мой дорогой друг. Нам эволюция позволила лишь не гнаться за антилопами на своих двух. Теперь мы это делаем на автомобилях. Ленивы и чертовски голодны.

Он подсел ко мне не случайно. Видел меня, когда я выносил мусор на улицу, а когда я подходил к подъезду, то лишь кивнул, чем спровоцировал ответный кивок. Теперь мой сосед сверху сидит передо мной, курит сигарету одну за одной, и то дело вращает между пальцами золотую зажигалку Зиппо. На ней была гравировка, и я не мог толком ее разглядеть. Надпись.

Поймав мой взгляд, сосед усмехнулся.

– Подкури, и будешь прощен. Ты куришь? Да? Ну и плевать. Целыми веками Фрейд и Ницше нам твердили о том, что мы все близимся к смерти, но, чисто теоретически, мы с тобой умираем быстрее. Знаешь, кто умирает быстрее нас? Чертовы лемминги. Эти психи склонны к суициду, представляешь?

Он прервался и отвел взгляд в сторону. Затем продолжил:

– Наверное, жаль, что у людей тоже есть эта черта.

Трахаться и вечно подозревать конец света, вот такая черта присуща людям.

– Сосед, а как ты думаешь, что было бы с матрицей, если бы Нео взял другую таблетку?

Очевидно, все бы осталось на своих местах. Подопечный героя Киану Ривза так и сказал: «Все вернется на свои места. Ты проснешься, и забудешь это, как страшный сон».

– Открою секрет. Машины все равно израсходовали бы себя.

Человек не видит мир таким, каков он есть. Зачастую...

Помните, чему нас учили родители? Я сейчас говорю о самых примитивных навыках. Разговаривать, держать ложку, ходить в туалет, пить, курить. Это все обычно для каждого человека, которого вы встретите на улице. Данные знания считаются для нас чем-то нормальным, обыденным и ничем не отличительным от других людей. А теперь скажите мне, чему нас учат родители или даже хренова жизнь, но что отличает нас друг от друга? Выбор. Правильный, мать его, выбор.

Мать не поддерживала мое стремление стать свободным художником, так как определяющим словом в ее жизни было слово Стабильность. Именно так, с большой буквы. Поставьте себя на место человека, который в начале третьего десятка больше восьмидесяти процентов финансов отдавал на ребенка. Готов биться об заклад, что наименьшее количество людей это не устроит. А что до остальных? Да вы будете трястись над тем, чтобы у вас была уверенность в том, что в заданный день и в заданное время вам на счет капнут долгожданные деньги. И вы ни копейки не потратите на себя, отнюдь. В нашей стране человек в первую очередь вынужден думать об оплате коммуналки да аренды, а никак ни о новых сапожках, ни о пальто, пригревающем задницу во время прогулки по зимнему промозглому поселку.

А что отец? Когда я думаю об этом мужике, вытацившем в свое время жену из состояния обреченности, у меня на лице появляется улыбка благодарности. Да, он ничем не отличается от других сотен мужиков, но есть в нем жилка, за которую если уцепиться, то ты и сделаешь правильный выбор. Этому меня батя и учил. «Сынок, – говорил он, – не бойся ошибаться. Главное иди к тому, к чему у тебя душа лежит». И старик не соврал. Я сделал, как мне кажется, свой выбор. И отец его поддержал.

Мои родители являются частью большого примера для каждого из нас, что как только вы появляетесь на свет, у большинства из вас есть возможность сравнивать. Вам дан шанс биполярного взгляда на ситуации. Такая ситуация заставляет ваши полушария буквально искрить

от количества импульсов, по ним скользящим, левое связано с правым, и вы всегда стремитесь к большему. Если, конечно, на вас не забивали, и вы не укорененный интроверт.

Вспоминая о родителях, я часто невольно обращаюсь к своему прошлому. Особенно к школьным годам.

У каждого в классе был человек, становившийся во время классных заварушек козлом отпущения. Когда сквозь тишину должна пробиться шутка, то на этом человеке буквально весь свет клином сходится. Он как утенок в курятнике – обречен быть заклеванным. Именно так и было с вашим покорным слугой. Каков пацан без остроумных шуток и без внезапного эмоционального взрыва в адрес учителей? Хм, наверное, вовсе не пацан. Да что вы знаете об обиде за то, что над вами продолжают смеяться, не смотря ни на пену у рта, ни на слезы, ни на кровь из носа? Наверное, вы знаете все об этом. Я был по обеим сторонам этого фронта. И мне нигде не понравилось.

То ли дело, мой сосед справа. О, да, мне кажется, этот паренек сделал правильный выбор, едва появившись на свет. Внешне он так и представлял из себя оптимистичного, вечно улыбающегося человечка, словно его каждое утро ждала у плиты накрашенная девица в одном нижнем белье. И каждое утро разная. Я не знал, ни где он работал, ни его имени, ни его привычек и вкусов, но почему-то был уверен в том, что действительно сделал правильный выбор. В работе, в привычках, черт его знает, может даже и в имени. Он был доволен своей жизнью. Просторная квартира, лоджия, утепленный пол – казалось, у этого парня есть все, что только захочет современный обыватель. Быть может, они и не был богат, но точно был царем горы.

– Не важно, сколько ты зарабатываешь. Не важно, сколько у тебя подписчиков или какая у тебя скорость интернета. Пурга все это. Важно то, что делаешь здесь и сейчас, – так он сказал мне однажды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.